
ПРОБЛЕМА ОТБОРА: РЫНКИ И ИНСТИТУТЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В.В. ВОЛЬЧИК

*доктор экономических наук, доцент,
Ростовский государственный университет*

Настоящая статья акцентирует внимание на проблеме отбора, которая в экономической теории незаслуженно отнесена на периферию. Действительно, в экономической науке отбору уделяется значительно меньшее внимание, чем проблеме выбора. В самом начале формирования экономической науки как области знания отбор играл значительно большую роль. Более того, идеи экономистов повлияли на возникновение эволюционной биологии.

Общеизвестно, что работы А. Смита и Дж. Мальтуса подтолкнули Ч. Дарвина к созданию эволюционной теории в биологии [14]. В этой связи следует подчеркнуть, что в Приложении к шестому изданию «Происхождения видов», перечисляя исследователей, оказавших наиболее существенное воздействие на формирование его мышления, Ч. Дарвин признает, что он критически воспринимает работы Т. Мальтуса, посвященные действию естественного закона народонаселения. Поэтому тот факт, что биология была первой наукой, детально разработавшей идею эволюции, можно оценить как «историческую случайность», используя терминологию той же эволюционной теории [29, р. 123]. Это подтверждается тем, что и Мальтус, и Дарвин испытали влияние со стороны быстрых изменений в Англии в период промышленного переворота, а Дарвин в особенности, так как его семья имела тесные связи с различными промышленниками. Промышленный переворот обладал многими эволюционными чертами, начавшись с изменений в разнообразии технологий, вызванных взаимодействием нововведений и отбора.

Постепенно отбор был вытеснен из предметной области экономической теории, которая стала наукой о выборе оптимального использования редких (экономических) ресурсов. Рынку как механизму отбора также уделяется гораздо меньше внимания, чем механизму оптимальной аллокации ресурсов. Включение проблемы отбора в круг значимых связано с исследованием качественной экономической динамики и, следовательно, институтов, которые долгое время выпадали из поля зрения экономистов.

В прошлом многие видные экономисты придерживались того или иного варианта идеи о том, что эволюционные принципы или биологическая наука содержат интеллектуальные модели, на которые экономистам следовало бы равняться [12, с. 611]. Первым и известнейшим из них был А. Маршалл, который утверждал, что Меккой экономиста является скорее экономическая биология, нежели экономическая динамика. Но здесь же Маршалл делает парадоксальное замечание, что биологические конструкции более сложны, чем теории механики, следовательно,

надо уделять относительно большее место аналогиям из области механики и использовать термин «равновесие, хотя это уже предполагает аналогию со статикой» [4, с. 53]. Традиция А. Маршалла была успешно унаследована большинством последующих поколений экономистов. Поэтому многие из представителей неоклассики соглашались с тем, что эволюционные методы могут применяться в экономике, но на практике такие методы мало кем используются.

Современными научными школами, такими как эволюционная, неэволюционная, а также в рамках традиционного институционализма исследованию проблемы отбора посвящается все больше работ. Однако еще далеко до создания четкой и непротиворечивой теории экономической эволюции.

Принципы эволюционной теории наиболее разработаны в биологии, однако применение «эволюционного языка» в экономике детерминирует расширительную трактовку этого термина, в противоположность его узко-специфичному использованию в биологии [27]. Поэтому в целом эволюционная экономика идентифицируется нами как применение общей эволюционной концепции к экономическим феноменам. При этом важно подчеркнуть, что экономическое развитие и технологические изменения подвержены воздействию эволюционных сил, которые не только во многом сходны с биологической эволюцией, но и отличаются во многих отношениях [23].

Основные различия между физическими и биологическими системами состоят, прежде всего, в различной природе «частиц» и, во-вторых, в различной природе процессов, протекающих в данных системах. Экономическое пространство может характеризоваться различными параметрами и структурными характеристиками. В общественных системах агенты ведут себя не так, как атомы, их склонность к ассоциированию в решающей степени будет зависеть от фенотипических характеристик их поведения [21]. Концепция «институционального человека» отличается от концепции «неоклассического человека» тем, что она признает историческую изменчивость предпочтений и поведения экономических агентов [15]. Существует тесная связь между способностью экономических агентов к ассоциированию и формированием их предпочтений и поведения, зависящих от привычек. Если бы индивидуум существовал в одиночестве, то его предпочтения формировались бы в моральном вакууме. Но предпочтения поддерживаются окружающими условиями, обществом и некоторыми группами людей. Поведение всегда изменяется, в этом и состоит различие между ним и физиологическими процессами.

Неоклассический подход к анализу эволюции связан с исследованием определенного процесса, который ведет к прогрессу и в результате которого устанавливается единственное оптимальное равновесие [13]. Это доказывается эволюционной теорией игр, в рамках которой определяются параметры равновесия и которую иногда называют теорией равновесного выбора. Если отбор осуществляется достаточно долго на основе имеющихся вариантов, то в отсутствие каких-либо инноваций в конечном счете система достигнет состояния с минимальным отклонением, т.е. равновесия. Очевидно, эта концептуальная позиция не является завершенным состоянием взгляда на эволюцию в экономике, технологических или природных системах. Тип эволюции, особенности ее структуры и формы проявляются во взаимодействии между отбором и инновацией.

Необходимо отметить, что фундаментальной единицей анализа в традиционной эволюционной экономике выступает не популяция и не индивидуум, а то, что могло бы быть широко описано как информация в той или иной форме. Общей для

любой эволюционной системы является идея развития информации во времени. Популяции фирм, рутины, управление есть способы распространения этой информации, формирующей основу успеха или неудачи того или иного экономического действия. Также необходимо учитывать, что социальная эволюция осуществляется через передачу навыков и информации не от одних только биологических родителей индивида, но и от несметного числа его предков [14, с. 47].

Эволюционная экономика основывается на принципах изменчивости, отбора и наследственности, а также на объяснении процесса наблюдаемых изменений в системе взаимодействием этих трех характеристик. Понятие наследственности употребляется в том смысле, что те элементы, которые выживают, продолжают проявлять свои положительные свойства в следующем периоде времени (между тем как свойства, принадлежащие невыжившим элементам, вымирают вместе с ними)¹ [28]. Это характеризует перенос смысл старой идеи Г. Спенсера [11] «выживания самого приспособленного» на экономическую теорию. Поэтому самым распространенным в экономической научной литературе является отбор наиболее эффективных фирм и форм хозяйствования в процессе конкуренции на продуктовых рынках. Некоторые фирмы выживают, а другие умирают, это зависит от прибыли, связанной с индивидуальной стратегией. Если давление отбора достаточно высоко, то выживут только самые эффективные. Выжившие фирмы, следовательно, действуют эффективно, даже если выбор стратегии не совсем хорошо обдуман. Однако такая точка зрения является примером трюизма о том, что выжившие фирмы наиболее эффективны, так как эффективные выживают [24, р. 446].

Согласно данному подходу к исследованию экономической эволюции в условиях конкуренции преимущества получают фирмы, реализующие принцип максимизации в своих взаимодействиях на рынках, что позволяет им успешно проходить эволюционный отбор и вытеснять фирмы, характеризующиеся отличными поведенческими предпосылками и рутинными. Следовательно, будут отбираться технологии рутины и институты, наиболее благоприятствующие реализации принципа максимизации прибыли, снижающие транзакционные издержки. Однако в рамках новейших направлений эволюционной экономики данное положение не всегда выполнимо, вследствие чего может происходить отбор и сравнительно неэффективных институциональных структур.

Напротив, согласно неэволюционной парадигме вследствие зависимости от предшествующей траектории развития могут отбираться и быть устойчивыми неоптимальные варианты технологического институционального развития. Зависимость от предшествующей траектории развития является феноменом, объясняющим, почему настоящие акты выбора агентов *могут* зависеть от актов выбора, сделанных ранее (случайных, незначительных исторических событий и т.д.). Для анализа в рамках данной концепции важна сама последовательность исторических событий и те институциональные рамки, в которых предыдущие акты выбора производились. Чем дальше развивается система, в случаях когда наблюдается феномен «path dependence» (а он, конечно, существует не всегда), тем сильнее прошлые акты выбора влияют на настоящие. После прохождения некоторой границы, процесс становится необратимым, т.е. альтернативные акты выбора становятся невозможными (по Б. Артуру, в условиях возрастающей от-

¹ Данная точка зрения разделяется не всеми представителями эволюционной экономики и берет свое начало с широко известной работы Армена Алчиана [16].

дачи [17]). Наступает эффект блокировки, т.е. система замыкается на исторически определенных альтернативах актов выбора.

Отбор институтов может зависеть от типа взаимодействий экономических субъектов, которые детерминируют образование института. Следовательно, отбор институтов осуществляется по критерию соответствия текущих взаимодействий с прошлыми. Это определяет отбор неэффективных институтов и технологий, которые, будучи сравнительно неэффективными (согласно концепции эффективности рыночного процесса), закрепляются, соответствуя предыдущим взаимодействиям, сформировавшим настоящие институциональные структуры. Это означает, что тип взаимодействий экономических субъектов закрепляется в «исторической памяти» (функционировании) института и определяет его эволюцию.

Функционирование того или иного института связано с текущими взаимодействиями экономических акторов: организаций, групп специальных интересов и индивидов. Эти взаимодействия могут быть направлены на изменение существующих институциональных ограничений. Институциональные изменения не обязательно приводят к формированию эффективных институтов. Сравнительная неэффективность выражается в том, что вновь созданные институты могут обеспечивать более высокий уровень транзакционных издержек, а также приводить к снижению интенсивности экономических обменов. Неэффективность институтов может также определяться убывающей предельной отдачей. Возникает вопрос: почему сравнительно более эффективные институты с возрастающей предельной отдачей заменяются менее эффективными институтами с убывающей предельной отдачей? По нашему мнению, ответ определяется тем, какие взаимодействия приводят к таким институциональным изменениям. Тип взаимодействий может быть классифицирован в духе работ К. Поланьи [8] как формы обмена: редистрибуция, реципрокность и торговля. Также взаимодействия можно разделить на формализованные и неформальные, связанные с рациональным (включая ограниченную рациональность) или оппортунистическим поведением экономических субъектов.

Рынок в эволюционном контексте является нейтральным, спонтанным механизмом обмена, координации и отбора. Обычно не вызывает возражений высказывание, что основной элемент рынка – цена – имеет информационную природу, хотя функции цены не ограничиваются лишь информационными сигналами (дискуссия по этому поводу проводилась в рамках австрийской школы). Поэтому результаты функционирования рынка как механизма координации и отбора будут зависеть от первоначальных условий распределения информации, а также критериев ее интерпретации экономическими субъектами, участвующими в процессе обмена.

Здесь важно заметить, что рынок производит отбор и формирует сигналы, используемые индивидами при координации своей хозяйственной деятельности, в соответствии с первоначальными условиями распределения информации о параметрах обмена, а также критериями ее интерпретации, которые зависят от познавательных возможностей акторов. Следовательно, при анализе «эффективности» рынка необходимо учитывать все отмеченные факторы.

Обычно считается, что неэффективность одних и эффективность других механизмов координации выявляется в результате институциональной метаконкуренции. В экономической литературе под метаконкуренцией понимается конкуренция институтов: «Если какая-либо форма экономической организации существует, значит, она эффективна, потому что в процессе конкурентной борь-

бы выживают сильнейшие, т.е. наиболее эффективные институты» [3, с. 78]. Только в отличие от обычных рынков, где формируются рыночные цены, которые детерминируют оптимальные пропорции производства, на институциональном рынке происходит отбор институтов в зависимости от их способности охватывать наибольшее количество взаимодействий рыночных агентов при сравнительно низком уровне трансакционных издержек. Но это верно только для «конкурентного» институционального рынка. «Неконкурентный» институциональный рынок может приводить к ухудшающему отбору институтов и консервации данной ситуации в виде устойчивого, но неэффективного равновесия (или неравновесия).

В результате рыночного отбора информационные сигналы приобретают те свойства, которые были заданы начальным распределением информации, и начальные условия зависят от социальных институциональных рамок, а также от познавательных возможностей индивидов. Такой отбор приведет к результатам, не поддающимся точному прогнозу, но в направлении, заданном первоначальными информационно-институциональными рамками, что отражает информационную природу институтов. Здесь необходимо отметить, что начальные институциональные условия формируются спонтанно, часто под воздействием незначительных (с точки зрения современников) или даже случайных факторов. В этом случае полезно применение, как обосновано выше, методологии теорий неозволюционной экономики, в частности зависимости от предшествующего пути развития². Как показал ведущий представитель этого исследовательского направления Б. Артур, незначительные исторические события не могут быть опущены или усреднены в долгосрочном процессе, так как они могут предопределить наступление того или иного последствия [17]. Эти исторические события и есть первоначальные институциональные ограничения, которые вследствие инертности политических, технологических и институциональных структур [26] могут в зависимости от различных факторов, определяемых ниже, приводить систему к ситуации расширения или свертывания обменов.

Примером отбора неэффективных рыночных институтов служат экономики большинства латиноамериканских стран, которые всей своей историей в XX в. показали, что может произойти в результате «неблагоприятного отбора» институтов [1] и действия групп специальных интересов, которые ведут, по выражению М. Олсона, к социальному склерозу [7]. В этой связи особый интерес представляют исследования Э. де Сото, посвященные такому феномену, как современный меркантилизм [10].

Объяснению как социального, так и технологического отбора может способствовать включение в анализ феномена экзаптации. Понятие экзаптации предложено антропологами С.Дж. Гоулдом и Е.С. Врба в качестве дополнения к понятию «адаптация» [22]. Под экзаптацией обычно понимается использование уже существующей структуры для новых функций – как, например, треугольники, образующиеся между арками церковного свода, оказывается возможным использовать для изображения фигур апостолов и святых [6]. Классический пример успешной экзаптации – это способность человека к письму, очевидно, что строение ладони и пальцев развивались совершенно не в соответствии с необходимостью держать карандаш или ручку, эта способность своего рода побочный

² Основные положения данной концепции содержатся в работах: [17; 18; 19].

эффект решения совершенно другой задачи. Экзаптация не является прямым следствием естественного отбора, а представляет собой нейтральную поведенческую вариацию, которая со временем могла оказаться полезной и способной повысить приспособленность практикующих ее индивидов.

Дж. Мокир описывает основную идею экзаптации относительно технологических инноваций: технология, которая была первоначально отобрана для одного использования, обязана своим последующим процветанием и выживанием другим своим свойствам, обладание и использование которых выявляется случайно [25]. В области технологий классическим примером технического новшества, которое иллюстрирует процесс и адаптации, и экзаптации, является компакт-диск. Первоначально разработанный в конце 1960-х в Тихоокеанской Северо-западной национальной лаборатории в Ричлэнде, подобно большинству изобретений, компакт-диск был адаптивным проектом для решение проблемы плохого звукового качества и износа, переносимого записями винилового фонографа. Его изобретатель, Джеймс Т. Расселл, развивал систему, основанную на идее использовать свет как носитель информации, потому что он предполагал, что система будет записывать и проигрывать звуки без физического контакта между его частями. Поэтому CD-ROM был патентован в 1970 г. как цифровая и оптическая система записи и воспроизведения. Однако исследователи в лаборатории с большим количеством экспериментальных данных экзаптировали технологию CD-ROM для другого использования: как носитель информации для компьютеров. Это было функцией, для которой CD-ROM первоначально не был разработан, однако позже это оказалось очень эффективно. В результате в течение 1970-х гг. лаборатория улучшила технологию CD-ROM для любой формы данных и подготовила почву для возможной коммерциализации технологии в промышленности, звукозаписи и компьютерной технике [20].

Экзаптация может приводить к формированию условий для выбора траектории развития, которая является побочным результатом других основных выборов. Самый известный случай зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence) – проблема QWERTY может рассматриваться как случай экзаптации, когда выбор на тот момент оптимальной технологии печатающей каретки определил создание субоптимальной раскладки клавиатуры, которая затем вследствие сетевых эффектов вытеснила все остальные варианты.

Отбор альтернатив может быть рассмотрен на двух уровнях анализа: целенаправленным на микроуровне, что согласуется с подходом к отбору у Нельсона и Уинтера [5], а также спонтанным, соответствующим макроуровню, т.е. всего общества или его подсистем, например экономики или культуры. Целенаправленный отбор технологий, рутин, институциональных соглашений, который осуществляется менеджером, приводит к более успешному или менее успешному результату функционирования фирмы или иной экономической организации. Это вполне укладывается в неоклассические рамки поведения фирмы. И здесь конечным критерием эффективности выбора, осуществленного менеджером, будет служить возможность максимизации прибыли. Такой отбор в научной литературе получил название менеджерского отбора [24].

В случае отбора на макроуровне мы сталкиваемся с процессами иного рода, которые имеют спонтанную природу (в смысле аналогичном спонтанной природе рынка в понимании австрийской школы). Эти процессы, что немаловажно, являются исторически обусловленными и зависимыми от траектории развития. Отбор эффективных институциональных альтернатив осуществляется в соответ-

ствии не столько с их экономической эффективностью, сколько с устойчивостью [9]. Источниками устойчивости могут служить возрастающая отдача от масштаба, сетевые эффекты, а также развитие системы после прохождения ею точки «бутылочного горлышка» в случаях радикальных институциональных изменений [2]. И здесь феномен QWERTY экономики является прекрасной иллюстрацией данного отбора, который может быть назван социальным (или экономическим) отбором. Исследования социального отбора, в отличие от технологического, не получили значительного распространения в рамках эволюционной экономики, и данная статья является лишь попыткой привлечь внимание к этой проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокрылова О.С., Вольчик В.В., Мурадов А.А. Институциональные особенности распределения доходов в переходной экономике. Ростов н/Д, 2000.
2. Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 2.
3. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
4. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. 1.
5. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.
6. Нудельман Р. Язык предков // Знание – сила. 2003. № 8.
7. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Вып. 4.
8. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
9. Саймон Г.С. Науки об искусственном. М., 2004.
10. Сото Э. Иной путь. М., 1995.
11. Спенсер Г. Опытные научные, политические и философские. Минск, 1998. Т. 1. С. 388–465.
12. Уинтер С. Естественный отбор и эволюция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейта, П. Ньюмена (New Palgrave). М., 2004.
13. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4.
14. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
15. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.
16. Alchian A.A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. Jun., 1950. V. 58. № 3. P. 211–221.
17. Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. № 394.
18. Arthur W.B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
19. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
20. Dew N., Sarasvathy S.D., Venkataraman S. The economic implications of exaptation // Journal of Evolutionary Economics. 2004. V. 14. № 1. P. 73.
21. Dopfer K. Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // Journal of Economic Issues. Jun., 1991. V. 25. № 2. P. 539.
22. Gould S.J., Vrba E.S. Exaptation – a missing term in the science of form // Paleobiology. 1982. V. 8. № 1. P. 4–15.
23. Hodgson G. Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Cambridge: Polity Press, 1993.
24. Knudsen T. Economic selection theory // Journal of Evolutionary Economics. 2002. V. 12. № 4. P. 443–470.
25. Mokyr J. Evolutionary phenomena in technological change // Ziman J. (ed.) Technological innovation as an evolutionary process. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 57.

26. *Mokyr J.* Technological Inertia in Economic History // *Journal of Economic History*. Jun., 1992. V. 52. № 2. P. 325–338.
27. *Nelson R.R.* Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // *Journal of Economic Literature*. Mar., 1995. V. 33. № 1. P. 48–90.
28. *Powell J.H., Wakeley T.M.* Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach // *Journal of Business Research*. V. 56. Issue 2, February 2003. P. 153–161.
29. *Rammel C., Bergh J. van den.* Evolutionary policies for sustainable development: adaptive flexibility and risk minimizing // *Ecological Economics*. Dec., 2003. V. 47. № 2–3.